

КОЛОНКА КРИТИКА

КУКЛЫ ИЗ ТАЛЛИНА

На прошедшей неделе в Москве гастролировал Государственный театр кукол Эстонской ССР. Хотя правильнее сказать: театр людей и кукол. Кукла в руках актера становится увеличительным стеклом, сквозь которое мы видим мысли, желания, пороки и добродетели героев театра.

По-разному строятся взаимоотношения человека и куклы на таллинской сцене. Иногда спектакли идут на традиционной ширме, иногда на столе, порой на сцене — несколько человек и только одна кукла. Так было, например, в фарсе И. Труля «Вундербеби» (постановщик Э. Сприйт). Его главные герои — молодая мама, незадачливый отец, современная бабушка — живые люди. А вот ребенок рождается куклой. И понятно: для молодых родителей, все еще не выросших детей, новоявленное чадо — лишь забавная игрушка.

На сопоставлении человека с куклой построен политический гротеск М. Унта «Гулливер и Гулливер». Спектакли поставил главный режиссер театра народный артист ЭССР Р. Агур. Каким разным оказывается человек-Гулливер в мире маленьких куколок-лилипутов и в окружении манекенов — великанов! В стране первых развязал кровопролитную войну, во владениях вторых ползает, словно муха по тарелке, цепляясь за столовые ножи и вилки. Все относительно: и сила, и величие. Если в Гулливере нет Гулливера, а в человеке Человека — великим он будет лишь в стране деревянных лилипутов.

В комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (непривычное сочетание: Шекспир и куклы) актеры и куклы одеты в одинаковые костюмы, у них похожи прически, словом, по ходу действия они вполне могут подменять друг друга. Играя с куклой, актер словно наблюдает за своим героем со стороны. Наблюдает и видит, что и его персонаж, и все действующие лица спектакля — в плену страстей, прихотей, желаний. Один влюблен, другой любви добивается, третий, невзирая на отсутствие таланта, должен сыграть господам свою

пьесу. Стремление во что бы то ни стало поскорее осуществить свое желание порождает узорность взглядов — так играют куклы Шекспира.

Театр привез в столицу три взрослых и три детских спектакля. Поначалу опасались: примет ли московская детвора непривычную форму построения кукольного действия, не помешает ли общению с аудиторией синхронный перевод (все спектакли шли на эстонском языке). Но спектакли эти настолько увлекали ребенка, что, забыв о спасительных наушниках, он понимал театр без перевода.

Так было и на спектакле «В нашем доме». Он идет на большом круглом столе, который на наших глазах превращается в яркий, наполненный птичьими голосами сад. Сначала откуда-то снизу достают кусочек травы, потом сажают апельсиновое дерево, приносят деревянную избушку. Актеры не торопятся, дают нам насладиться мельчайшими подробностями своего творчества. Пройдет несколько минут, и зритель поддастся гипнозу театра. Ребенок постепенно начинает верить, что это он — садовник, ответственный за посаженные деревья, траву, за курочку, которая вот-вот снесет яичко. И это уже не на сцену, а в его сад с грохотом въезжает строитель. Он сметет со стола сад, дом, прогонит курочку, соорудив на голом пустыре кривые, похожие друг на друга башни-карандаши. «Немножко солнечных лучей», — будет просить курочка у жителей этого города для только что вылупившегося цыпленка.

Детские постановки театра рассчитаны прежде всего на участие маленького зрителя, на его сотворчество. Актеры то задают залу каверзные вопросы, на которые каждый ищет ответ, то бросают в зал связку разноцветных воздушных шариков. Передавайте шарик соседу, хлопайте в ладоши. Словом, из окаменевшего чинного зрителя ребенок быстро превращается в обыкновенного мальчика или девочку, для которого театр становится хорошим близким другом.

Конечно, при более полном анализе можно указать и на недостатки в работе театра. Можно также сказать, что в общем хоре кукольных театров страны его голос не самый сильный, не самый громкий. Может, и не громкий. Зато партия — сольная.

Е. РУБЛЕВА,